
Век минувший

Ирина КАБАНОВА, Андрей КАСОВИЧ, Елена ПОЗНЯКОВА

КОНСТАНТИН ФЕДИН

*Портрет издателя**

Аннотация. В статье раскрываются малоизученные аспекты издательской деятельности известного писателя К. Федина. С 1927-го по 1934 год он был бессменным председателем правления «Издательства писателей в Ленинграде» (ИПЛ), действовавшего на кооперативных началах и выпускавшего произведения современных литераторов. Несмотря на драматичные повороты истории, издательство ежегодно увеличивало выпуск книг, расширяя круг авторов и палитру жанров.

Ключевые слова: К. Федин, «Издательство писателей в Ленинграде», издательская деятельность, советские писатели, литературоведение, цензура, Библиотека поэта.

В историю отечественной культуры на правах знакового явления интеллектуальной жизни общества вошли издательства, претендовавшие на роль властителей дум целых поколений. Они отражали интересы и убеждения значи-

---

* Авторы выражают глубокую благодарность научным сотрудникам Государственного музея К. Федина И. Ткачевой и Л. Коноваловой за предоставленные рабочие материалы.

тельных групп общества, вели читателя за собой, давая идеологические, художественные, эстетические и одновременно нравственные ориентиры. Они объединяли самых востребованных в определенной среде литераторов, публицистов, критиков, художников. Почти всегда вдохновители и инициаторы подобных издательств ставили перед собой сверхзадачу. В отечественной истории под упомянутую нами формулу подходят такие разные по своему вектору, но одинаково харизматичные величины, как издательства Козьмы Солдатенкова и Алексея Суворина, товарищества Маврикия Вольфа и Ивана Сытина. Куда менее известно, хотя по многим параметрам соответствует обозначенному нами ряду, основанное в 1898 году в Санкт-Петербурге паевое товарищество писателей «Знание». Фактически возглавивший его Максим Горький вовлек ряд крупных писателей в редакторскую работу. За полтора десятилетия крупными тиражами вышли сорок сборников, в которых впервые были опубликованы многие новинки отечественной и зарубежной литературы.

Опыт работы «Знания» оказался востребован и новым поколением литераторов. Без малого три десятилетия спустя, весной 1927 года, возникло «Издательство писателей в Ленинграде» (ИПЛ), оставившее не менее значительный след в истории российской книжной культуры. Оно стало своеобразным оплотом «попутчиков» — писательских сил,

---

Ирина Эриковна КАБАНОВА, заместитель директора по научной работе Государственного музея К. А. Федина (Саратов). Сфера научных интересов — советская литература, музееведение. Email: ikabo@mail.ru.
Андрей Стальевич КАСОВИЧ, член Союза журналистов России, историк, краевед. Сфера научных интересов — региональное краеведение, история архитектуры. Автор статей по указанной тематике. Email: nttgkasov@yandex.ru.

Елена Владимировна ПОЗНЯКОВА, заведующая отделом краеведческой библиографии Саратовской областной универсальной научной библиотеки, преподаватель Саратовского областного колледжа искусств. Сфера научных интересов — история книги, региональное книгоиздание, краеведение, библиография. Автор статей по истории саратовского книгоиздания. Email: elena_fox_73@mail.ru.

выступавших за сохранение русской литературной традиции, свободной от идеологического гнета.

По мнению историка книги М. Свиченской, «кооперативные издательства литераторов и ученых представляли собой оптимальную модель для реализации групповых интересов творческих коллективов, объединенных общностью взглядов и интересов, целей и задач» [Свиченская: 56].

У истоков ИПЛ как кооперативного предприятия стояли уже известные в стране писатели — К. Федин, М. Слонимский, И. Груздев, М. Козаков, С. Семенов, географ и литературовед М. Сергеев, экономист Ф. Криммер. На протяжении семи лет существования ИПЛ Федин ежегодно избирался председателем правления писательского товарищества¹. Однако в публикациях советского периода о фединской роли в становлении и развитии ИПЛ практически ничего не говорится, как будто он лишь формально значился лидером. Возможно, это связано с тем, что архив ИПЛ был почти полностью уничтожен пожаром при бомбежке в 1942 году и литературоведы просто не нашли необходимых документов. Но более правдоподобной выглядит версия о том, что исследователи не выходили за определенные рамки, дабы не касаться таких аспектов деятельности Федина, как отстаивание линии издательства во властных кругах, преодоление разногласий внутри самого Правления ИПЛ, противостояние произволу цензуры. Только в 2013 году вышла публикация Т. Семеновой «К истории “Издательства писателей в Ленинграде”», где содержится серьезный анализ обозначенных тем [Семенова].

Само же появление на свет нового издательства иногда даже некоторыми его основателями публично препод-

---

¹ К этому времени Федин уже имел значительный опыт издательской работы: в 1921—1922 годах служил секретарем редакции Государственного издательства в Петрограде; в 1925—1926 годах — зав. отделом художественной литературы Ленинградского Госиздата; в 1923—1929 годах был членом правления кооперативного издательства «Круг».

носились как явление спонтанное. «Посудачив и распив парочку бутылок столового (сухого) вина, — вспоминал М. Сергеев, — решили создать свое издательство, кто первый бросил эту мысль, не помню...» [Лавров, Таллерчик: 93]. Однако письма К. Феина А. Горькому 1927 года говорят о тщательной проработке проекта инициативной группой ленинградских писателей, сотрудничавших ранее с литературным альманахом «Ковш». Причем Феин настойчиво просит Горького войти в редакционный совет ИПЛ и возглавить его, а также дать для публикации какую-либо из своих вещей [Горький... 515]. Классик, правда, в ответном послании предложение Феина по всем позициям отклонил, сославшись на занятость и удаленность от Санкт-Петербурга [Горький... 518].

Письма являются одним из основных источников изучения деятельности Феина как издателя. Так, в послании Горькому от 4 марта 1927 года он поясняет, что «хлопоты о разрешении начаты были в сентябре прошлого года. К концу февраля разрешение оформлено» [Горький... 515]. Обозначил он и ключевую проблему ИПЛ — «раньше рукописей некуда было девать, а нынче их негде стало взять. И основная задача будущей редакции нашей будет состоять в борьбе за рукопись, т<ак> к<ак> ее — рукопись-то — придется отбивать у конкурирующих издательств, кинувшихся за беллетристикой ввиду ее “рентабельности!”» [Горький... 515]. Об острой нехватке новых книг, и не только современных авторов, постоянно писали в конце 1920-х годов газеты Северной столицы. Критическая ситуация на книжном рынке подталкивала писателей к решительным шагам по объединению своих усилий в деле создания собственной издательской структуры. Внимательно изучив опыт работы горьковского «Знания», а также кооперативных издательств Советской России, Феин наметил серию практических шагов, о которых рассказал в упомянутом выше письме Горькому в Сорренто:

- 1) мы не будем искать ни ссуд, ни субсидий; 2) мы не будем нуждаться в деньгах. Вот схема отношений, которые должны помочь нам осуществить эти два сакраментальные

пункта. Наше изд<атель>ство заключает с «Прибоем»² договор, по которому «Прибой» дает изд<атель>ству аванс под тираж такой-то книги. Изд<атель>ство оплачивает из этого аванса приобретенную рукопись и сдает выпущенную на средства «Прибоя» книгу на склад «Прибоя», который распространяет ее по соглашению с издательством. Часть тиража, таким образом, гарантирует «Прибою» получение выданного изд<атель>ству аванса и затраченных на выпуск книги денег, а другая часть тиража приносит известный доход издательству, который идет на усиление его средств. При таких условиях через какой-то промежуток времени мы накапливаем оборотные средства и можем работать вполне независимо... [Горький... 516]

Готовность «Прибоя» к сотрудничеству можно во многом объяснить тем фактом, что председателем правления этого издательства являлся один из основателей ИПЛ М. Сергеев, а руководителем литературно-художественного отдела — ближайший сподвижник Федина Слонимский. Да и сам Федин печатался там активно. К тому же с появлением заказов на печатание новых книг от ИПЛ получала бы дополнительную «нагрузку» и типография «Прибоя».

Это только одна из схем поиска деловых партнеров для запуска нового издательства, которые прорабатывали его основатели. В конце концов свой выбор они остановили на ленинградской типографии имени Евг. Соколовой. Всего в 1928 году было издано два десятка книг. Для Федина и его соратников по издательству важно было начать новое дело с выпуска книг, посвященных памяти глубоко почитаемого ими А. Блока, поэтому в свет вышли литературно-критическое издание «Драмы и поэмы Ал. Блока: из истории их создания» П. Медведева, а также

---

² Рабочее кооперативное издательство «Прибой» основано в Петрограде в 1922 году. Специализировалось на издании общественно-политической, а также художественной литературы. В ноябре 1927 года вошло в состав Госиздата РСФСР, сохранив свою издательскую марку. В 1930 году вошло в систему ОГИЗа.

двухтомник «Дневников» поэта тиражом 5 000 экземпляров; наконец, пришел к читателю и первый том собрания сочинений В. Хлебникова под редакцией Ю. Тынянова и Н. Степанова тиражом 2500 экземпляров.

Наряду с этим ИПЛ поставило перед собой цель представить читателю широкую палитру современной литературы, поддержать дебютантов и молодых талантливых авторов. Дебютная книга стихов М. Комиссаровой «Первопуток» получила высокую оценку Б. Пастернака. Заинтриговал читателя сборником рассказов «Мохнатый пиджачок» А. Ульяновский. Свой первый роман о спорте и молодежи «Прыжок» в ИПЛ напечатал журналист И. Бражнин. Зрелый и признанный мастер М. Шагинян наконец получила возможность полностью опубликовать роман «Своя судьба». Вышла повесть Б. Житкова «Удав». Несмотря на небольшой формат и минималистичное оформление обложек, эти и другие издания, вышедшие в 1928 году, стали событием на книжном рынке. Так что, окрыленный первыми успехами, Федин сформулировал в письме Слонимскому главный довод в пользу существования ИПЛ:

Подумай, ведь издательство действительно наше, мы в нем хозяева, над нами ничего и никого, кроме цензуры, нет. Это ли не благодать? Попробуй затеять какое-нибудь литературное дело в гиз'е или выступить с к<акой>-н<ибудь> статьей в журнале. Да прежде чем что-нибудь выйдет из такой затеи — роса очи выест. Одних редакторов теперь в каждом уважающем себя издании не меньше шести. Мы же располагаем совершенной свободой внутри издательства, и любая наша фантазия, сегодня родившись, завтра может быть осуществлена [Федин: 135].

Книжный репертуар молодого издательства тезисы Фебина подтверждает. В 1929 году здесь вышли такие разноплановые издания, как первая книга стихов начинающего поэта Н. Заболоцкого «Столбцы» и модернистский роман К. Вагинова «Труды и дни Свистонова»; монография В. Каверина «Барон Брамбеус», посвященная журналисту и востоковеду, автору «Библиотеки для чтения» О. Сен-

ковскому, и повесть Б. Лавренева «Белая гибель» о трагической судьбе покорителей Арктики; воспоминания В. Микулич «Встречи с писателями» (Л. Толстой, Ф. Достоевский, Н. Лесков, Вс. Гаршин) и роман-хроника литературоведа и переводчика П. Губера «Месяц туманов» о жизни Парижа эпохи Директории...

Константину Федину как издателю было очень важно, чтобы читатель почувствовал вкус к современной литературе, свободной от диктата какой-либо идеологии; по его мысли, необходимо «строить наше изд<атель>ство с расчетом, что оно будет “центром” литературной жизни, как были в свое время серапионы. Иначе <...> зачем было огород городить?» [Федин 1986: XI, 136]. Бывшие серапионы³ — К. Федин, М. Слонимский, И. Груздев, Н. Тихонов, В. Каверин, — разумеется, играли значительную роль в издательстве. Но, признавая первостепенную ценность художественных достоинств того или иного произведения и самобытный талант того или иного автора, основатели ИПЛ старались пригласить к работе лучших представителей писательского сообщества Ленинграда — невзирая на их принадлежность к различным литературным группам. Так, вошли в число авторов ИПЛ бывшие обэриуты К. Вагинов и Н. Заболоцкий, из бывших перевальцев — Е. Тагер, имажинист В. Эрлих, а также такие самобытные фигуры, как М. Кузмин и П. Лукницкий. Формалистов в ИПЛ представляли Б. Эйхенбаум и Ю. Тынянов. К футуристам примыкал в свое время Б. Лавренев. В состав управления издательства были введены Ю. Либединский и В. Саянов [Белов: 128], активные участники РАППа. Уже в первые годы своего существования у издательства сложилась репутация относительно свободной литературной

---

³ «Серапионовы братья» — объединение молодых писателей, оформившееся в Петрограде 1 февраля 1921 года. Серапионы настаивали на самоценности искусства, противопоставляя тенденции качество произведения и оставляя за членами содружества свободу идеологического выбора. В основной состав группы входили Л. Лунц, М. Слонимский, В. Каверин, М. Зощенко, Е. Полонская, К. Федин, Вс. Иванов, Н. Никитин, Н. Тихонов, И. Груздев.

трибуны. Л. Гинзбург, не упоминая фамилий, цитирует в своей книге воспоминаний характерный писательский диалог:

— Если «Молодая гвардия» доведет меня до точки, я об-
ращусь в Издательство писателей.

— Это им совсем не подходит.

— Почему?

— Они ведь издают только идеологически невыдержан-
ные книги...

— Правда — моя книга идеологически выдержана... Но
это компенсируется моей фамилией [Гинзбург: 105].

Привлекала творческих людей и материальная сторо-
на вопроса. «Устав кооперативного товарищества “Изда-
тельство Писателей в Ленинграде”», составленный
К. Фединым и М. Козаковым, предоставлял возможность
повысить свое благосостояние на поприще книгоиздания:
«Товарищество организует на коллективных началах
труд своих членов в области издания всякого рода лите-
ратурных и художественных произведений, их составле-
ния, перевода, переработки, редактирования, иллюстри-
рования, художественного и технического оформления и
печати своего издания» [Устав... 3—4].

Рукописи авторов сначала рецензировались литерато-
рами, входившими в состав правления ИПЛ, а затем, полу-
чив «добро», передавались для редактирования тому или
иному видному писателю, пайщику ИПЛ. Например, кни-
ги Д. Лаврухина редактировал К. Федин, автобиографи-
ческие произведения К. Петрова-Водкина — М. Шагинян,
книгу очерков рабочего с «Красного путиловца» В. Вино-
градова «Двигуны» — М. Чумандрин. Было и два внештат-
ных редактора, в обязанности которых входила подготовка
к печати произведений новичков в писательском деле
[Лавров, Таллерчик: 99]. Этот аспект литературно-редак-
торской деятельности — как один из основных принципов
ИПЛ — Федин особо выделил в письме первому секретарю
ЦК ВКП(б) А. Жданову 3 мая 1934 года. «Издательст-
во ведет постоянную воспитательную работу с начинаю-
щими авторами, которым старшие опытные товарищи

оказывают техническую помощь на практике» [*Переписка... ГМФ 38056*]. Свои произведения писатели, поэты и литературоведы, входившие в состав ИПЛ, редактировали бесплатно, на товарищеских основах.

Первый серьезный кризис издательство пережило в начале 1929 года. Энтузиазм ряда авторов, вызванный выходом долгожданных книг, постепенно сходил на нет в связи с многомесячной задержкой выплаты гонораров. В конце февраля выходит сборник стихов М. Кузмина «Форель разбивает лед». Тираж в 2000 экземпляров буквально разлетелся среди поклонников знаменитого поэта. Однако рассчитаться с Кузминым ИПЛ было не в состоянии. Поэт огорчен: «Подвели меня писатели, как я предполагал. Что всех подвели так же, небольшое утешенье...» [Кузмин]. Финансовый провал связывают с ошибками и неумелыми действиями директора издательства К. Малахова. Во всяком случае, доведенный до белого каления Федин отмечает в своем дневнике 27 апреля 1929 года:

По-прежнему непрерывные истерики Малахова: то он уходит, то остается <...> Иной раз кажется, что К. Ф. — безнадежный неврастеник, иной раз приходит на ум, что он просто капризник и любит поломаться. Ни в том, ни в другом случае работать с ним нельзя <...> На Алянского все мы возлагаем надежды [*Дневники...*].

С С. Алянским, основателем знаменитого петроградского издательства «Алконост», Федин познакомился еще в 1920 году. Этот человек, напечатавший поэму А. Блока «Двенадцать» и выпустивший немало книг символистов, имел репутацию деловитого и опытного издателя. Алянский предложение Федина стать директором издательства писателей принял и в течение трех последующих лет доверие председателя правления ИПЛ оправдал. Под его началом безупречно функционировал рабочий аппарат издательства. Он был немногочисленным — всего 4 человека, — но в высшей степени профессиональным и преданным своему делу. Кроме упомянутого уже С. Алянского в его состав входили технический редактор Г. Сорокин, ответственный

секретарь З. Никитина и художник М. Кирнарский. Алян-ский сумел выстроить отношения с Книгоцентром — торговой организацией ОГИЗа, а затем и с КОГИЗом⁴. Несмотря на тучи, стущавшиеся на политическом горизонте, на нехватку бумаги и прочие переживаемые затруднения, издательство при новом руководителе в несколько раз увеличило тиражи выпуска книг. Выросли и доходы. В 1931 году ИПЛ получило 120 тыс. руб. прибыли, в 1932 году — 400 тыс. руб. [Лавров, Таллерчик: 102].

Сразу же после назначения Алянского Федин в письме Слонимскому выражает надежду на то, что с правления ИПЛ отныне будет снят груз организационной и хозяйственной работы и появится возможность больше внимания уделить воплощению масштабных замыслов, «не только думать об аппарате, деньгах и прочем, а вести свою прямую работу, заниматься литературой» [Федин 1986: XI, 135]. Федин не оставляет идею создания литературного центра «попутнической» платформы. Его мечта — издание так называемого «Дневника писателя» — дискуссионного издания, в котором, по мысли Федина, могли бы принять участие лучшие литературные силы страны, и тогда издательство «сразу будет живым, деятельным участником литературной жизни» [Федин: 136]. Замысел был осуществлен под другим названием, и в 1930 году вышел сборник «Как мы пишем», в котором без малого два десятка известных писателей ответили на вопросы анкеты, касающейся особенностей их творчества. Издание формально задумывалось как своего рода пособие для начинающих литераторов, а по сути стало манифестом в духе серапионов, отрицавшим главенство идеологии в творчестве. Впоследствии эта книга вошла в «список Горлита» — перечень изданий, запрещенных к приему в букинистические магазины, нахо-

---

⁴ ОГИЗ — Объединение государственных книжно-журнальных издательств, созданных в июле 1930 года при Наркомпросе РСФСР на основании постановления ЦК ВКП(б) «О работе Госиздата РСФСР и об объединении издательского дела». КОГИЗ — книготорговое объединение государственных издательств.

дящихся исключительно в спецхранах крупнейших библиотек страны и предназначенных к уничтожению в остальных библиотеках.

Среди значимых проектов — книга очерков молодых писателей «Сквозь ветер», появившаяся в 1931 году. Ее идея — поделиться впечатлениями о том, как живут и работают советские люди к северу от Ленинграда — в Карелии, в Хибинах, найти самобытные образы и язык, чтобы передать противоречивый дух эпохи. В 1934 году вышел сборник под лаконичным названием «Эпрон», подготовленный писательской бригадой к десятилетию «Экспедиции подводных работ особого назначения». Подлинным бестселлером стали путевые очерки Николая Вагнера «Человек бежит по снегу» — цикл зарисовок о Якутии. С 1930 года эта книга выдержала три издания. Не меньший интерес у читателя вызвали и путевые заметки о странах Европы «Виза времени» (1933) Ильи Эренбурга.

Приветствуя эксперимент в искусстве и право художника на свой, особый взгляд, Федин никогда не скрывал того, что бывшие серапионы должны играть определяющую роль в выработке политики издательства, и выступал против идеологических перекосов. Еще в самом начале работы ИПЛ он заметил, что литераторы формальной школы склонны «блокироваться» со своими вроде бы антиподами — представителями пролетарского писательского крыла: «Они сошлись на необходимости “экспериментировать” в литературе, при этом один думает о Хармсе, другой о неведомых стихотворцах из рабочего “Резца”. Для формалистов пролетарская литература — вовсе не литература, но это — сила, власть, и с ними лучше жить в дружбе. А так называемая попутническая литература, тоже не будучи литературой, к тому же и бессильна. Она выступает только как “конкурент” и ее необходимо отгеснять, блокируясь хотя бы с Садофьевыми. Вот и вся механика» [*Дневники...*]. В письме Слонимскому от 24 июня 1929 года Федин уточняет свою позицию: «Это не значит, что Каверину или Эйхенбауму со Степановым мы должны преграждать пути. Сотрудничество с ними необходимо. Но изд<атель>ство не может испытать “крен влево”, если формалистов рассматривать “левыми”. Наша задача должна быть аналогич-

ной задаче “старых” серапионов: мы — содружество, мы — общество» [Федин: 135]. Подтверждением объективности Фебина в выборе авторов может служить хотя бы тот факт, что выдающийся литературовед и писатель, один из приверженцев формальной школы В. Шкловский издал в ИПЛ целую гамму произведений: сборник очерков «Гамбургский счет» (1928), роман «ZOO. Письма не о любви, или Третья Элоиза» (1929), повести «Поденщина» (1930), «Краткая, но достоверная повесть о дворянине Болотове» (1930), «Житие архиерейского служки» (1931), литературоведческую книгу «Чулков и Левшин» (1933).

Отдельная глава в повествовании о Фебине-издателе — это хроника его борьбы с цензурой за выход тех или иных значимых для товарищества писателей книг. Как председатель правления ИПЛ, в 1929 году он пытается отстоять перед Ленинградским Областлитом⁵ решение издательства о выпуске двухтомника А. Ахматовой: «Около шестидесяти стихотворений вычеркнуто. Издание разрушено. Кроме того, нам недвусмысленно дано понять, что если мы выпустим исковерканное издание, т. е. только то, что “разрешено”, все равно издательству грозит конфискация книг Ахматовой в порядке административном (политконтроль). Во всяком случае, печать поднимет кампанию против нашей работы и само существование кооператива должно будет прекратиться...» [*Художник...* 164].

И тем не менее Фебин продолжает сопротивляться произволу цензоров. В обращении к Областлиту, которое приведено в фебинском дневнике 19 августа 1929 года, он замечает, что из рукописи выброшены стихотворения, много раз печатавшиеся с разрешения Главлита⁶, и запрещение части стихов нарушает весь план издания:

---

⁵ Ленинградский Областлит — Ленинградское отделение Главного управления по делам литературы и издательств. Осуществляло цензурирование ленинградских изданий.

Тематически и по идеологическому значению вычеркнутые стихотворения Анны Ахматовой ничем не отличаются от дозволенных к печати, и, при всем желании, нельзя отыскать критерия, которым руководствовался Областлит, запрещая одно стихотворение, и разрешая другое <...> Анна Ахматова занимает в поэзии место бесспорное. Обойти ее в истории русского стиха так же невозможно, как невозможно обойти Тютчева, Блока, Хлебникова <...> «Издательство Писателей в Ленинграде» одною из своих задач ставит печатание книг, которые отвечали бы нуждам обширных писательских кругов, служили бы пособием в литературной работе <...> Избранные сочинения Ахматовой в двух книгах мы относим к такому типу необходимых для писателей изданий [*Художник...* 168].

Федин и его единомышленники в правлении ИПЛ своим обращением почти что добились поставленной цели, и цензоры Ленинграда вот-вот должны были дать задний ход и разрешить двухтомник без искажений. Тем более что ИПЛ пообещало напечатать его небольшим тиражом и продавать затем по высокой цене. Но здесь вмешался уже Главлит, который категорически выступил против новых книг Ахматовой. В августе 1929 года Федин и Алянский побывали в Главлите на приеме у заместителя его главы Самохвалова. Состоявшийся диалог писатель приводит в своем дневнике: «Что Вы называете “маленьким тиражом?” — спросил он. — Тысячи три, четыре. — Для стихов?! — Да. — Если вы действительно заботитесь о культурных потребностях, о библиотеках и прочее, то достаточно 200—250 экземпляров. — Но тогда невозможно осуществить издания. И потом, библиотек в России очень много. — Ахматова вовсе не должна быть в каждой библиотеке...» [*Художник...* 168] К сожалению, прорвать оборону цензуры и напечатать двухтомник Ахматовой так и не удалось. Однако ведомое Фединым правление ИПЛ пыталось до конца следовать избранной редакционной линии и от сверхзадач не отступалось.

---

⁶ Главлит — Главное управление по делам литературы и издательств, орган Наркомпроса. Главное цензурное ведомство.

Битва за издание собрания сочинений Блока также выдалась долгой и яростной. В марте 1930 года Федин едет в Москву в Главлит, чтобы решить вопрос о выпуске собрания сочинений к десятилетней годовщине смерти поэта. Записи в фединском дневнике от 17 марта весьма красноречиво свидетельствуют о стилистике и градусе беседы с руководителем Главлита Павлом Лебедевым-Полянским:

Два дня в Москве. Полторачасовой разговор с Лебедевым-Полянским. Я выхожу на улицу и так разбит, словно весь день таскал камни. Порядочно на свете я видел дураков; но столь законченного вижу впервые <...> Если каждая литература имеет цензора, которого она заслуживает, то какова же наша литература? И все же, все же... как она ни бездарна, как ни казенна — нельзя, нельзя назначать на цензорское место людей, которым место в приюте для идиотов! Нам запрещено издавать книги по истории, теории и критике литературы. Запрещено выпустить собрание произведений Блока («ведь он умер, — сказал Л<ебедев>-П<олянский>. — Значит, он не пайщик Вашего Изд<атель>ства?! Как же можно?» — «Но мы ведь издали его “Дневники”». — «Вы вышли из рамок программы». — Эти слова он твердил полтора часа, как дрозд, которого научили говорить) [*Художник...* 172].

Впрочем, в поисках заступников Федин и его единомышленники прошлись буквально по всем ступеням партийно-бюрократической лестницы и добрались в конце концов до ЦК ВКП(б), где им все-таки пошли навстречу [*Архив...* XI, 256]. В конце октября 1930 года Федин пишет письмо М. Горькому с просьбой написать вступительную статью к будущему собранию сочинений. Горький от этой миссии отказался, объяснив тем, что «мизантропия и пессимизм Блока — не сродни мне, а ведь этих его качеств — не обойдешь» [*Горький...* 522]. В итоге открыть собрание сочинений своей статьей было доверено первому наркому просвещения РСФСР А. Луначарскому. С 1932-го по 1936 год из печати вышло 12 томов первого научного издания собрания сочинений Александра Блока с комментариями В. Орлова. Примечательно, что в качестве текстолога в редактировании первых томов принимал участие литературовед

Д. Пинес. И даже после своего ареста и высылки в Архангельск он присылал Орлову текстологические предложения [Любимов: 183]. Цензура в отдельных случаях отступала, но натиск ее на издательство «попутчиков» отнюдь не ослабевал. В дневнике Федина от 17 марта 1930 года есть такая запись: «Запрещен роман Р. Гуля — “Генерал Бо” (набранный и разрешенный здешней цензурой) <...> изъяты из продажи Г. Ку克林 — “Краткосрочники”; конфискован Ю. Берзин — “Оптимистический роман”; задержан выпуск В. Пяста — “Современное стихосложение”» [*Художник...* 173]. Порой рядовые цензоры даже «примеряли на себя мундир» литературных редакторов. Так, в письме К. Федину от 20 июля 1934 года относительно книги И. Соколова-Микитова цензор Л. Козлова замечает: «Тов. Федин, что это за слово, часто употребляемое Микитовым, — обочь?» [*«Свела...»*: 256].

Отбиваясь от прессинга цензуры, Федин в то же время негативно оценивал демонстративные, как ему казалось, акции своих коллег-писателей, способные ослабить состав пайщиков и навредить работе издательства. Весной 1931 года один из самых известных и талантливых литераторов России — Е. Замятин — подал заявление на выход из ИПЛ. Этому предшествовал ультиматум группы пролетарских писателей Ленинграда, пожелавших войти в состав издательства, но только с условием исключения оттуда Замятина. Ситуация выходила из-под контроля Правления, что волновало Федина. Он не хотел терять друга и творческого единомышленника, но и бросать открытый вызов набиравшим силу ЛАППовцам⁷ считал бессмысленным в сложившейся ситуации: «Вся современная литература существует на начале “компромисса”. Она “допускается” при условии, если писатель безоговорочно подчиняется идеологии и “вождям” пролетарского искусства. Иначе литературы вовсе не было бы — т. е. рус-

---

⁷ ЛАПП — Ленинградская ассоциация пролетарских писателей. Во главу угла ее сторонники ставили идеологическую направленность произведения.

ской “попутнической” литературы. И если Замятин не хочет принять этого ультиматума эпохи, он должен не то что уйти из пайщиков изд<атель>ства, он должен уйти из литературы» [*Художник...* 175]. Федин был огорчен поступком Замятина и предвидел последствия не только для издательства, но и для самого Замятина: «...уходя из изд<атель>ства, Замятин порывает последнюю связь с “общественностью” и лишает себя всякой мыслимой в нынешних условиях товарищеской поддержки. Его уход будет истолкован “политически”. Он опять и заново будет объявлен “врагом”. В каком же положении окажутся его товарищи, считающие его ценным, нужным для литературы и несправедливо “осужденным” писателем, если им придется выступить хотя бы просто по мотивам человечности, в его защиту или ему на помощь?»⁸ [*Художник...* 175] За день до общего собрания пайщиков ИПЛ Федин убедил Замятина забрать заявление.

Курс на то, чтобы делать все возможное для выпуска качественной литературы, опирающейся не на классовый диктат и вульгарные социологические принципы, а на богатые литературные и художественные традиции, несмотря ни на что, при председателе правления Федине в ИПЛ не прерывался. В 1929 году вышла книга Замятина «Жизние Блохи от дня чудесного ее рождения и до дня прискорбной кончины» с рисунками Бориса Кустодиева — уникальное библиофильское издание тиражом всего 500 экземпляров. Годом позже событием стало издание книги Н. Лескова «Леди Макбет Мценского уезда» с иллюстрациями того же художника тиражом 5300 экземпляров.

При общей лаконичности полиграфического оформления большинства книг обложки некоторых из них выглядят изящными, щеголеватыми, выполненными как в неоклассической традиции, так и в стилистике модного в ту эпоху конструктивизма. Нужно отдать должное мастерству штатного художника, сильного «шрифтовика» М. Кирнар-

---

⁸ Подробнее об этой ситуации, а также о роли Федина в печально известном «деле Пильняка и Замятина» (1929) см.: [Коновалова].

ского. Оригинален дизайн сборника стихотворений «Маяковскому» (1930) Н. Брауна, А. Прокофьева, В. Саянова, а также обложки книг Б. Пастернака «Охранная грамота» (1929), О. Форш «Сумасшедший корабль» (1931), Н. Юргина «Перпендикуляр» (1931) и др. Правление во главе с Фединым сумело привлечь к работе над оформлением книг самых известных и талантливых художников страны. Тем более что стабильное экономическое состояние издательства в начале 1930-х годов позволяло это сделать. Гравюрами на дереве Н. Алексеева проиллюстрированы роман Достоевского «Игрок» и повесть Федина «Старик», изданные в 1930 году. В том же году вышли из печати сатирическая повесть Ю. Тынянова «Подпоручик Киж» с иллюстрациями Е. Кибрика в технике черной акварели, сборник рассказов М. Зощенко «Сирень цветет» в оформлении В. Конашевича. Его запоминающаяся графика украсила также книгу прозы Н. Тихонова «Анофелес» (1930), повесть Л. Сейфуллиной «Виринея» (1932), книгу очерков М. Кольцова «Испанская весна» (1933) и т. д. Ученик Конашевича Л. Хижинский выполнил гравюры на дереве для книги народных сказок «Пятиречье» (1931), собранных О. Озаровской, и исторического романа А. Виноградова «Потерянная перчатка: (Стендаль в Москве)» (1934). Театральный художник Н. Акимов сопровождал своими рисунками повесть В. Каверина «Черновик человека» (1931), а известный график К. Рудаков — книгу Е. Замятина «Наводнение» (1930), сборник рассказов Л. Борисова «Галка» (1931), повесть А. Лебеденко «Первая министерская» (1934). Кроме того, иллюстрировали и оформляли издания такие видные мастера, как Н. Якубова-Мунц, В. Фаворский, С. Юдовин, А. Ушин, Д. Митрохин. «Издательство применило тесное сотрудничество современных писателей с художниками-графиками, дав образцы иллюстрированной книги, и ставит своей задачей упрочить этот продуктивный опыт борьбы за культуру советской книги» [*Переписка...* ГМФ 38056], — сообщает сам Федин в письме к секретарю ЦК ВКП(б) А. Жданову от 3 мая 1934 года, в котором просит защитить ИПЛ от предстоящего слияния и реформирования.

Печататься в ИПЛ стало правилом хорошего тона для широкого круга литераторов, причем не только ленинградских. Были изданы книги П. Антокольского, Н. Асеева, А. Безыменского, А. Белого, А. Фадеева, И. Эренбурга [Лавров, Таллерчик: 97].

В определенной мере рубежом стало первое полугодие работы нового директора С. Алянского, которого поддерживал Федин. В это время были заложены основы будущего благополучия предприятия. Во всяком случае, уже в конце 1929 года некоторые писатели с надеждой стали обращать взоры на ИПЛ. «Милый Костя! С большим усилием я сел, наконец, за “Детство”. К Новому году надеюсь окончить <...> Мне хотелось бы отдать рукопись вашему издательству (как мы говорили) <...> Денег сейчас я не прошу <...> В повести около 3,5–4 печатных листов. “Контрреволюции” не будет (ежели не контрреволюционно вообще “прошлое”, и вообще всякое “Детство”) <...> Сговориться мне хочется теперь потому, что станет спокойнее, когда буду надеяться. Самое главное, вы издадите хорошо» [*«Свела...»*: 209] — писал Федину Соколов-Микитов 14 декабря 1929 года. Верным показателем возросшего уровня издательства стало и желание Максима Горького напечатать в 1931 году там свой рассказ «Голубая жизнь». Он был опубликован с весьма выразительными автолитографиями Конашевича.

Алянский постоянно информирует Федина о положении дел: «На сегодня Книгоцентр должен нам по неоплаченным счетам 46 500 руб<лей> (с 2-го июня не акцептует счета). До сегодня мы держались хорошо, несмотря на задержку Книгоц<ентра> мы оплатили все счета типографии и за бумагу, но если завтра начнут поступать счета за колленкор — мы задохнемся. Завтра принимаю ряд принудительных мер по отношению к Книгоц<ентру>, надеюсь вылезем. Из издательских новостей могу сообщить следующее: заключили договор на собр<ание> соч<инений> с Ка-

---

⁹ Письмо Алянского Федину от 17 июня 1931 года [*Переписка...* ГМФ 43424].

вериным и Козаковым. На “Поход Седова” также заключили договор с И. С. Сокол<овым>-Микит<овым>»⁹.

М. Слонимский в письме Федину в Давос от 16 октября 1931 года вполне оптимистично провозглашает: «ИПЛ процветает, ширится и растет»¹⁰. К сожалению, тяжелая болезнь легких и долгое (с августа 1931-го по декабрь 1932 года) лечение за границей, в Швейцарии и Германии, значительно сократили для Федина возможности влиять на политику ИПЛ, дабы не допускать конфликтов и ссор между пайщиками. Ведь равной ему по авторитету фигуры среди членов правления не было. В этой ситуации живое участие в делах издательства принял М. Горький. Мэтр советской литературы развернул активную деятельность на знакомом ему поприще. Однако разница в планах и подходах к издательской работе между Фединым и Горьким оказалась значительной. Если первый просто хотел печатать интересные и разные книги, то второй, образно говоря, мечтал возвести Дворец Советов, мыслил категориями гигантских проектов, требовавших от писателей сосредоточения всех сил, но при этом еще и «растворявших» их индивидуальности в коллективной работе. «У Горького было два совещания в один день, — пишет в очередном письме Федину Михаил Слонимский, — утром — Прези-

---

¹⁰ Письмо Слонимского Федину от 16 октября 1931 года [ЦГАЛИ СПб... Д. 29. Л. 58].

¹¹ М. Горький в 1931 году выступил инициатором создания многотомной «Истории Гражданской войны в СССР» под своей редакцией — грандиозного труда, в литературной обработке которого должны были принять участие главные писатели страны, в том числе и Федин, который из-за болезни не смог присоединиться к этой работе. Идея была реализована не в ИПЛ.

¹² Письмо Слонимского Федину от 27 сентября 1931 года [ЦГАЛИ СПб... Д. 29. Л. 55]. М. Горький предложил издать в ИПЛ ежегодник под условным названием «День» под своей редакцией, в котором должны быть собраны факты и события из быта и общественно-политической жизни разных стран за один какой-либо день. Идея была реализована не в ИПЛ и уже после смерти М. Горького.

диум ИПЛ, а днем — “гражданская война”¹¹. Старик очень хорош, полон планов, заседания были не по-заседательски интересны. Решили делать в ИПЛ сборник “Мировой день”¹². Заседание президиума, о котором упомянул Слонимский, состоялось 28 сентября 1931 года, и на нем по предложению Горького постановили начать в издательстве выпуск книг серии «Библиотека поэта», чтобы запустить в печать стихотворные сборники лучших поэтов XVIII—XX веков для обучения начинающих авторов. Каждое издание должно открываться вступительной статьей и содержать научные комментарии к текстам. Таким образом, выходу сборника предшествовали изучение первоисточников, архивные изыскания, удаление цензурных и редакторских исправлений и т. д. Готовили материалы для серии Ю. Тынянов, И. Груздев, К. Чуковский, Б. Томашевский, И. Виноградов, Б. Пастернак, В. Десницкий, В. Орлов, В. Саянов, А. Селивановский, И. Ямпольский, Ю. Оксман. На наш взгляд, издание серии «Библиотека поэта» именно в ИПЛ стало возможным во многом благодаря линии Федина на привлечение к работе талантливых критиков, литературоведов и текстологов. Первая книга серии, посвященная Г. Державину, вышла в свет в 1933 году. В том же году появилась книга стихов Д. Давыдова, изданы сборники «Ирои-комическая поэма»¹³ и «Поэты “Искры”». В 1934 году вышли тома полных собраний стихотворений А. Дельвига и К. Рылеева.

Успешный старт этой серии Федин объяснил в письме Жданову «сработанностью и квалификацией отдельных коллективов писателей¹⁴, группирующихся вокруг издательства» [*Переписка... ГМФ 38056*]. Поддержка Горького, несомненно, оказала тонизирующее воздействие на работу ИПЛ. Однако долгой по времени она быть не могла.

Второй серьезный кризис в работе издательства стал назревать уже в начале 1932 года. Номинально замещавший Федина на посту председателя правления Груздев

---

¹³ В сборник вошли литературные произведения 1763—1814 годов.

¹⁴ К. Федин имел в виду и литературоведов, и критиков.

по характеру был слишком мягким, нерешительным для того, чтобы уверенно вести дела. Близкий друг Федина Слонимский, конечно, рассказывал ему в письмах о том, какому давлению подвергалось издательство извне, со стороны партийных органов, не оставлявших попыток «перевоспитать попутчиков», но при этом порой умалчивал о разногласиях и конфликтах внутри правления. Тревогу Федина вызывал тот факт, что ИПЛ, расширяя свою работу, рискует. Свои сомнения он высказал в письме к Горькому от 22 марта 1932 года: «Может получиться разрыв между хозяйственно-организационными возможностями издательства и общественными обязательствами, которые оно на себя берет. Векселей мы выдали много, а вот год прошел, и нам нужны дикие средства, чтобы вертелось колесо производства, между тем реально выпущенных книг маловато» [*Горький...* 532]. Лишенный возможности оперативного руководства издательством, Федин все чаще апеллирует к Горькому как к единственному моральному авторитету, способному повлиять на ситуацию. В его письме от 11 апреля 1932 года — боль души:

За последние два месяца чудовищно разваливается работа изд<атель>ства, подменяемая двумя прогрессирующими маниями — говорения и проектирования. За истекший год не реализовано, или — не начато реализацией, — ни одно из ценных прошлогодних начинаний. Технический аппарат — превосходно поставленный, состоящий всего из 4-х человек (при обороте свыше 600 000 и чистой прибыли за прошлый год в 120 000!!) — втягивается в дискуссии, перестает работать. Между тем если изд<атель>ство существовало как общественное целое, то только благодаря своей хозяйственной «базе», благодаря тому, что оно было здоровой «хозяйственной единицей». Если сломать эту ось — мгновенно рассыплется вся общественность, а с нею исчезнет возможность заработка для 150 литераторов и художников [*Горький...* 537].

До поры до времени Алянский, чувствуя поддержку Федина, мог всецело посвятить себя работе, не обращая внимания на интриги ряда писателей — членов правления

ИПЛ. Однако постановление ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 года «О перестройке литературно-художественных организаций» стало веским дополнительным поводом для смены слишком независимого директора. Представители крыла пролетарских писателей поставили вопрос ребром — во главе издательского аппарата отныне «должен стоять партийный руководитель»¹⁵. Правление Алянского не защитило. Узнав о принудительной по сути отставке директора ИПЛ, Федин в письме от 22 августа 1932 года обратился к Правлению с жестким заявлением:

Как могла создаться в Правлении такая обстановка, при которой один его член, в форме, избираемой им по личной склонности, предлагает заведующему Издательством уйти со службы? И почему после того, как письмо становится известно другим членам Правления, они не протестуют ни против его грубого тона, ни против невнятного содержания? <...> Не видно, почему же С. М. Алянский, после исключительно успешного трехлетнего хозяйственного руководства Издательством и высококачественной работы специалиста-книгоиздателя, не должен или не может больше заведывать Издательством <...> Наоборот, видно, что создается туманная иллюзия, будто бы пребывание С. М. Алянского на должности заведующего Издательством стоит в противоречии с известным апрельским постановлением ЦК партии о литературе. В постановлении этом ничего не говорится о вреде хороших хозяйственников и квалифицированных специалистов, а говорится о недопустимости групповщины в практике литературных организаций. Между тем именно в результате неизжитой групповщины мог возникнуть документ, решающий важное дело писательского издательства — без участия его правления <...> Я заявляю при этом протест против того, чтобы такие вопросы, как вопрос оперативно-хозяйственного руководства Издательством, решались помимо Правления [*Переписка... ГМФ 43456/3*].

---

¹⁵ Письмо Д. Лаврухина С. Алянскому от 25 июля 1932 года [*Переписка... ГМФ 43456/3*].

Упрекая Слонимского в бездействии, Федин в своем письме к нему раскрывает, по всей видимости, истинные причины ухода бывшего директора: «Дорогой мой, я-то знаю, в чем здесь соль! Издательство бюрократизируется, создаются десятки должностей, развивается болезнь, от которой зачахло немало некогда здоровых предприятий <...> Ставить, сажать, назначать “своих” людей — это ЛАПП’овское яблочко давно нами отведало. В такой обстановке Алянские мешают, ибо они — трезвые работники, а не групповые протезеры» [*Переписка... ГМФ 43460*]. Явление, которое характеризует Федин, очень хорошо знакомо россиянам, живущим в начале XXI века: имя ему — попытка рейдерского захвата предприятия, способного работать ритмично и с прибылью, со стороны группы акционеров. Президиум правления на заявление Фебина ответил банальной отпиской, признав лишь вину в плохом информировании его о текущих делах. Заведующим издательством был избран Г. Сорокин, а его заместителем — рабочий Ленинградского завода имени Сталина А. Аптекман. Сражение за Алянского Федин проиграл, но сохранил репутацию порядочного человека, имеющего твердые принципы, и руководителя, чуждого конъюнктуре и интригам. В то же время ярко выраженная гражданская позиция Фебина, его по-прежнему высокий авторитет в писательских и управленческих кругах до поры до времени были своеобразной гарантией от резкого изменения идеологического курса издательства. Стоит отметить и тот факт, что тандем Федин — Алянский сумел создать ритмичный хозрасчетный издательский механизм, который позволял строить реальные планы и с честью выполнять их. В письме Федину Слонимский подчеркивал: «Новые рукописи сыпятся дождем, среди них очень интересные»¹⁶. Не обижали в ИПЛ и гонорарами, как правило, выдерживали сроки их вы-

---

¹⁶ Письмо Слонимского Федину от 16 августа 1932 года [ЦГАЛИ СПб... Д. 30. Л. 7].

плат. То же касалось и графика сдачи книг в печать. По свидетельству того же Слонимского, «можно ручаться, что ИПЛ все действительно выполнит, а ГИХЛ так выполняет свои обещания, что авторы оттуда почти все бежали в злобе и ужасе»¹⁷. Позитивное сравнение делает и Мариэтта Шагинян: «У нас имеется в союзе в ряде бесхозных, дорого обходящихся государству и бездарных издательств — образцовая производственная единица — Ленинградское издательство писателей. Оно возникло в результате общественной работы самих писателей, работает хорошо, не требует дотаций»¹⁸.

Среди заметных книг, выпущенных ИПЛ в 1932 году, романы А. Толстого «Хождение по мукам» и Константина Федина «Города и годы», «Дневники. 1917—1931» М. Шагинян и собрание сатирических новелл «Под куполом» О. Форш, «Стихотворения» А. Прокофьева и повесть С. Спасского «Новогодняя ночь» с замечательными иллюстрациями В. Фаворского. Событием стал выход очерков И. Соколова-Микитова «Море, люди, дни» и цикла рассказов М. Кольцова «Душа болит», «Автобиографической повести» А. Грина и книги прозы Н. Тихонова «Клинки и тачанки». В числе удач приключенческая повесть В. Матвеева «Золотой поезд» и написанный образным, ассоциативным языком роман В. Иванова «Путешествие в страну, которой еще нет». ИПЛ предоставляло трибуну и непрофессиональным авторам. Сборник «Бойцы и корабли» составили рассказы моряков-краснофлотцев. А книга «Первое путешествие» основана на путевых впечатлениях бригадира-ударницы Л. Ивановой. Круз по странам Европы на теплоходе «Абхазия» достался ей как премия за хорошую работу.

В декабре 1932 года Федин возвращается на родину и снова погружается в работу. Несмотря на отнимавшие немало сил и времени дискуссии и совещания на тему «как

---

¹⁷ Письмо Слонимского Федину от 22 октября 1932 года [ЦГАЛИ СПб... Д. 30. Л. 21].

¹⁸ Письмо Шагинян Слонимскому от 9 июля 1934 года [ЦГАЛИ СПб... Д. 61. Л. 37 об.].

лучше подготовиться к Первому съезду Союза советских писателей», ИПЛ в 1933 году выходит на новые рубежи. В письме к Жданову, которое мы неоднократно цитировали, Федин приводит показательные цифры: «За 1933 год выпущено 124 названия книг по беллетристике, критике и истории литературы <...> Общий тираж 991.800 экземпляров. Уставной капитал Издательства равнялся 310.000 руб. и состоял из накоплений членов Товарищества и отчислений из прибылей. Баланс за 1933 год — 2.200.000, прибыль — около 400.000 рублей; 40% ее отчислено на культурные нужды писательских организаций Ленинграда. Весь аппарат Издательства в том же году числил 25 человек служащих» [*Переписка...* ГМФ 38056]. Чтобы за год добиться почти двукратного увеличения книжного репертуара¹⁹, Федину и его коллегам пришлось серьезно реорганизовать работу не только издательского аппарата, но и самих писателей-пайщиков. Помимо правления, в 1933 и 1934 годах действовал еще и президиум правления из 11 представителей товарищества [Лавров, Таллерчик: 94]. Заместителями Федина как председателя президиума стали М. Слонимский и А. Дмитриев. Так было намного удобнее решать возникавшие проблемы.

Книги некоторых авторов приходилось буквально вырывать из цензурных объятий. В письме Федину от 19 августа 1933 года Слонимский отчитывается о своих переговорах с начальником Главлита Б. Волиным и заведующим отделом культурной пропаганды ЦК ВКП(б) А. Стецким: «Кроме Венуса (книгу которого как будто удалось отбить — сужу по беседе своей с Волиным) конфискован у нас еще Лифшиц. С Лифшицем дело плохо. Волин не сдавался, Стецкий относится недоброжелательно. А это прорыв тысяч на сорок» [*Переписка...* ГМФ 34514]. И того и другого автора удалось в конце концов отстоять. Пришли к читателю и роман Г. Венуса «Молочные воды» о немцах-меннонитах, попавших в мясорубку Гражданской

---

¹⁹ В 1932 году в ИПЛ вышло 72 издания.

войны, и книга воспоминаний Бенедикта Лившица о футуристах «Полутораглазый стрелец».

1933 год выдался урожайным и у признанных мастеров советской литературы. М. Зощенко издал повесть «Возвращенная молодость», Ю. Тынянов — рассказ «Малолетний Витушишников» (об эпохе Николая I), Б. Пастернак — стихотворения в одном томе, М. Шагинян — очередное издание романа «Гидроцентральный» (о строительстве электростанции в Армении), М. Козаков — роман «Девять точек» (о свержении самодержавия в России).

Напечатан уже пятый том Собрания сочинений В. Хлебникова. Литературовед В. Евгеньев-Максимов заинтересовал читателя историей журнала «Современник» 1840—1850-х годов, а писатель-маринист С. Абрамович-Блэк — «Записками гидрографа» (о путешествии по труднодоступным районам Якутии). Популярной книгой в одночасье стал альбом Н. Радлова «Воображаемые портреты» — сборник карикатур на известных писателей и поэтов Ленинграда.

В 1933 году вышел сборник «Четыре поколения» об истории Нарвской заставы — промышленного района Ленинграда: плод совместного труда бригады писателей и художников ИПЛ. Сегодня это издание представляет большой краеведческий интерес — в частности потому, что помогает воссоздать авральное строительство крупнейшей в Ленинграде фабрики-кухни, памятника культуры эпохи конструктивизма. Подводя в своем письме к Жданову позитивные итоги опыта работы ИПЛ, Федин утверждает, что кооперативная форма издательской организации «во-первых, реально, а не на бумаге, сближает широкие круги писателей вокруг общественно-здорового, проверенного руководящего центра, во-вторых, предоставляет писателю практическую возможность проявлять инициативу в области создания типа книги (например, сборник о Нарвской заставе “Четыре поколения”), в работе над сериями, собраниями и т. д., и в-третьих, служит своего рода школой, в которой старшие писатели передают свои знания младшим» [*Переписка... ГМФ 38056*].

В то же время, несмотря на достижения издательства, на рост тиражей, Федин весьма критичен к отдель-

ным аспектам работы. «К сожалению, оформление начинает портиться, — признается он Горькому в письме от 31 августа 1933 года, — небрежничает народ. Надо сказать, вообще много у издательства технических и хозяйственных препон и бед, множество надделано ошибок» [*Горький...* 547].

Наверное, и работа над ошибками помогала издательству расти. Как отмечает литературовед Е. Наумова, накануне 1934 года впервые за все годы работы ИПЛ представило годовой тематический план, издательский портфель сформировали 237 рукописей, из которых больше половины составляли новинки [Наумова: 208]. Планировалось запустить альманах «Литература, техника, наука», издать книги о декабристах и т. д. Еще в апреле 1934 года Ленинградский обком ВКП(б) приглашал руководителей ИПЛ на совещание по изданию книги к двадцатилетию Октябрьской революции [Лавров, Таллерчик: 101]. Но перед самыми майскими праздниками пайщикам ИПЛ становится известно о планах высшего партийного руководства по ликвидации их издательства и слиянию его с другим предприятием. 2 мая Федин, Тихонов, Слонимский и Козаков пишут письмо Сталину, где просят сохранить автономию и редакционную самостоятельность ИПЛ и аргументируют свою позицию: «Если при реорганизации издательств художественной литературы предполагается сосредоточить их в Москве, то мы просим принять во внимание, что в Ленинграде живет почти такое же число квалифицированных писателей, что и в Москве» [*Переписка...* ГМФ 38054]. В последний момент это письмо отправлять передумали, решено было обратиться с подробным посланием к секретарю ЦК ВКП(б) Жданову. Тем более что Федин уже успел в общих чертах объяснить ему позицию издательства при краткой личной встрече. Письмо написано на следующий день, 3 мая, и подписано уже одним Фединым как председателем правления ИПЛ. Решив принять удар на себя, Федин привел веские аргументы против грядущего поглощения:

Лишение «Издательства Писателей в Ленинграде» этой товарищеской общественной формы путем эвентуального

объединения его с издательством другого, например, государственного типа, на наш взгляд — руководящих работников Издательства, — в настоящий момент неизбежно повлечет за собой следующее:

1. Устранит существующее соревнование издательств и, таким образом, снизит качество художественной литературы;
2. Бюрократизирует издательский аппарат, отдалив его от писательской среды и быть может даже — противопоставив его ей;
3. Поставит в крайне трудное положение начинающих авторов, нуждающихся в помощи старших товарищей [*Переписка... ГМФ 38056*].

Призывая сохранить издательство «в настоящем виде», Федин подчеркивает также, что «масса советской литературы в Ленинграде почувствовала бы такое слияние как тяжелый удар» [*Переписка... ГМФ 38056*]. 4 мая Федин обращается к Горькому за поддержкой и просит его передать послание Жданову при личной встрече. «Самое важное: Вы обещали написать несколько слов на моей записке товарищу Жданову в поддержку автономности “Издательства Писателей в Ленинграде” <...> Если можно, пожалуйста, пришлите мне копию Вашего отзыва об издательстве» [*Горький... 549*]. В этом же письме Федин сообщает Горькому еще об одном тревожном моменте — о возможной передаче серии «Библиотека поэта» в Москву, в издательство «Academia»: «Очень просим Вас поддержать “Библиотеку”, проделавшую большую научную подготовительную работу, которая даст в ближайшее время свои результаты» [*Горький... 549*].

Горький написал своему корреспонденту только 27 сентября 1934 года, когда ИПЛ уже не существовало: «Винюват перед вами — не ответил на письмо ваше по поводу “Ленинградского издательства писателей”. И сейчас не могу ответить, ибо Иосиф Виссарионович в отпуску, а без него — толка не добьешься» [*Горький... 552*]. В адрес же «Библиотеки поэта» писатель высказался еще позднее, 11 декабря 1934 года, и был довольно категоричен: «Совершенно неважно, в какой издательской организации будет издаваться “Библиотека поэтов” в данном ее виде и будет ли

она издаваться самостоятельно, одновременно и дробно в Ленинграде, в Конотопе, Москве, Обдорске и других местах <...> Я неоднократно говорил и писал о том, что “Библиотеку поэта” следует начать с народной песни, с былины, с Тредьяковского, т. е. именно “научно” и строго хронологически <...> От этого порядка и плана работы молча отказались» [Горький... 556]. Необходимо уточнить, что Горький был явно раздражен письмом Федина от 27 ноября, где бывший председатель правления ИПЛ сетовал на несправедливый подход издательства «Academia» к указанной серии, нарушавший ее первоначальные принципы [Горький... 552]. Ведь предполагалось, что «Библиотека поэта» станет своеобразным пособием для начинающего поэта. Федин в этом письме как раз обосновывал необходимость передать серию издательству «Советский писатель» как преемнику ИПЛ. По всей видимости, Горькому было не слишком важно, в каком издательстве воплощаются в жизнь его проекты. Главное, чтобы они были «на плаву» и одобрены властями.

Впрочем, вернемся к последним эпизодам борьбы за автономность ИПЛ. М. Шагинян в письме Слонимскому от 9 июля 1934 года рассказала о встрече в Кремле группы писателей с членом политбюро ЦК ВКП(б) В. Куйбышевым. Мариэтта Сергеевна взяла слово и выступила против ликвидации ИПЛ и его объединения с другими издательствами. Куйбышев обратился к заведующему отделом культурной пропаганды ЦК ВКП(б) А. Стецкому: «Что скажете?» Стецкий, в свою очередь, сослался на авторитет Горького: «Алексей Максимович подал эту мысль. Он резко критиковал продукцию издательства. Он считает, что там издают по кумовству родные и знакомые друг друга» [ЦГАЛИ СПб... Д. 61. Л. 38]. Шагинян опровергла этот тезис и апеллировала прежде всего к высокому качеству издательской продукции. Стецкий с доводом согласился, а Куйбышев подвел итог: «Этот вопрос не моей компетенции. Должно решить ЦК» [ЦГАЛИ СПб... Д. 61. Л. 38]. Шагинян считала, что своей речью спасла издательство, и намекала на прохладное отношение коллег к его защите. Федин, узнав о письме, в переписке со Слонимским упреки парировал: «Все мои разговоры протекали “под знаком” борьбы за изд<атель>ство,

а не “уступчивости”, — со Ждановым, Горьким, Стецким» [*Переписка... ГМФ 30942*]. Примечательно, что в этом же письме Федин, упоминая тот факт, что издательский портфель (в производстве, в редакции, в работе у авторов) насчитывает уже 242 рукописи, восклицает: «Когда изд<атель>ство ухитрилось набрать эту уйму добра? Случись сейчас слияние, мы ни копейки не сможем выбрать из дела и паевой капитал пойдет на покрытие портфеля <...> Нам надо зажать хозяйство до отказа» [*Переписка... ГМФ 30942*].

Развязка наступила 31 июля, когда газета «Правда» сообщила о постановлении Союзного совета промышленной кооперации, согласно которому Всесоюзное объединение кооперативного издательства писателей создавалось на основе слияния «Московского товарищества писателей» и «Издательства писателей в Ленинграде». В состав нового издательства под названием «Советский писатель» кроме уже перечисленных вливались «Советская литература», а также два небольших московских издательства — «Посредник» и «Север» [Наумова: 210]. Но до конца 1934 года, да и в 1935-м в печать продолжали выходить намеченные к изданию, а также подписанные к печати книги под маркой ИПЛ.

Наверное, это сродни мистике, но среди названий книг, вышедших на последнем году жизни издательства, явно выделяются те, что невольно символизируют всю недолгую, славную и трагичную его историю. Словно бы авторы — приверженцы разных политических взглядов и художественных концепций — сговорились и в едином порыве зашифровали главные вехи судьбы и черты самого издательства:

«Жизнь моя» — автобиографическая повесть А. Чапыгина;

«Сознание и творчество» — литературно-критическое издание В. Полонского;

«Испытание героя» — литературно-критическое издание И. Виноградова о творчестве Юрия Либединского;

«Бесстрашие художника» — сборник статей А. Горелова;

«Якобинский заквас» — первая часть трилогии О. Форш «Радищев»;

«Укрощение Робинзона, или Потерянный рай» — комедия В. Каверина;

«Сеанс окончен» — повесть Л. Борисова;

«Гибель» — роман С. Розенфельда о событиях Первой мировой;

«По следам войны» — роман Л. Войтоловского, походные записки 1914—1917 годов.

Образно говоря, на станцию назначения под названием «Первый съезд Союза писателей СССР» отправился литературный поезд, в составе которого были разные издательские вагоны. И шел он по путям — партийным постановлениям, которые укладывались прямо перед идущим паровозом. Купейный вагон «попутчиков» в итоге отцепили, а самих литераторов вынудили пересечь в тесную теплушку с минимумом свободного жизненного пространства. Удивительный феномен этого отцепленного вагона — «Издательства писателей в Ленинграде» — в том, что внутри него собрались талантливые и непохожие друг на друга люди, которые сумели договориться и создать в нем атмосферу творчества и уважения к таланту.

Централизация издательского дела в стране проводилась с разной скоростью уже с середины 1920-х годов. Не понимать, чем это может в конце концов закончиться, основатели ИПЛ не могли. Однако энергия идеи кооперативной организации издательства, которую оценили и взяли на вооружение Федин и его соратники, оказалась настолько велика, что семилетнее поступательное развитие ИПЛ дало пример достойного существования свободного творческого сообщества в эпоху закручивания гаек. Федин-издатель показал себя исключительным максималистом в плане создания материальных условий, дававших писателям возможность заниматься своим ремеслом, не оглядываясь на подачи государства. Федин — идеолог кооперативной работы — сумел сплотить литераторов разных взглядов, школ и политических пристрастий в стремлении работать на позитивный имидж ИПЛ. Несмотря на неизбежные козни и интриги, ИПЛ сумело завоевать славу конкурентоспособного издательства, которому по плечу

самые сложные, масштабные задачи. Федин выстроил и функционировавшую без серьезных сбоев систему взаимоотношений с властью, с высшими моральными авторитетами советского искусства, основанную на золотом правиле компромисса. Как бывший серапион, он не только привлек к работе в ИПЛ своих литературных «братьев», но, в широком смысле, содействовал созданию в его рамках сообщества писателей, литературоведов, критиков, художников, разделявших ценности свободной от идеологии творческой деятельности. Он привлекал к сотрудничеству людей, ставивших на первое место достоинства литературы как таковой. И это были не только профессиональные авторы, но и одаренные любители — рабочие, инженеры, красноармейцы, матросы и т. д. Несмотря ни на что, Федин и правление ИПЛ выдерживали линию на выпуск современной художественной литературы, на продвижение талантливой критики, литературоведческих книг, на поиск и издание одаренных начинающих авторов. Вокруг издательства формировался и читательский массив, разделявший ценности «попутчиков».

«Издательству писателей в Ленинграде» судьбой оказалось отпущено не так уж много времени, но главное, что оно всегда старалось быть в центре литературной жизни Северной столицы и всей страны, постоянно стремилось к балансу между жанрами, стилями, направлениями и неизменно пыталось подобрать ключ к душам читателей.

Литература

Архив А. М. Горького в 24 тт. Т. 11. Переписка А. М. Горького с И. А. Груздевым. М.: Наука, 1966.

Белов С. В. «Издательство писателей в Ленинграде» (1927–1934 гг.) // Книжное дело Петербурга — Петрограда — Ленинграда: Сб. науч. трудов. Л.: Наука, 1981. С. 126–136.

Гинзбург Л. Я. Записные книжки. Воспоминания. Эссе. СПб.: Искусство-СПб, 2002.

Горький и советские писатели. Неизданная переписка. М.: АН СССР, 1963. (Литературное наследство. Т. 70).

Дневники К. А. Федина // Государственный музей К. А. Федина. Неописанные материалы. Научно-вспомогательный фонд (НВ ГМФ 5610/2).

Коновалова Л. Ю. Переписка К. А. Федина и Е. И. и Л. Н. Замятинских <вступ. ст.> // Константин Федин и его современники: из литературного наследия XX века. Кн. 1. М.: ИМЛИ РАН, 2016. С. 71–88.

Кузмин М. Жизнь подо льдом. (Дневник 1929 года) / Публ., предисл. и коммент. С. В. Шумихина // Наше наследие. Редационный портфель. URL: http://www.nasledie-rus.ru/red_port/Kuzmin.php.

Лавров Н. П., Таллерчик Т. М. Издательство писателей в Ленинграде (1928–1934) // Книга. Исследования и материалы. Сб. 36. М.: Книга, 1978. С. 92–103.

Любимов Н. М. Неувядаемый цвет: книга воспоминаний. В 2 тт. Т. 2. М.: Языки русской культуры, 2004.

Наумова Е. В. «Издательство писателей в Ленинграде» – предтеча ленинградской редакции «Советского писателя» // Триста лет печати Санкт-Петербурга. Материалы междунар. науч. конф., СПб., 11–13 мая 2011 г. СПб.: ГМИ СПб, 2011. С. 204–211.

Переписка К. А. Федина // Государственный музей К. А. Федина. Неописанные материалы. Основной фонд (ГМФ).

«Свела нас Россия». Переписка К. А. Федина и И. С. Соколова-Микитова. 1922–1974 / Под ред. И. Э. Кабановой, И. В. Ткачевой. М.: Наука, 2008.

Свиценская М. К. Частное книгоиздание Москвы и Санкт-Петербурга: история, современное состояние, перспективы развития. Прага, 2000. URL: <http://rss.archives.ceu.hu/archive/00001119/01/125.pdf>.

Семенова Т. Б. К истории «Издательства писателей в Ленинграде» // Константин Федин и его современники: Фединские чтения. Саратов, 2013. Вып. 5. С. 150–164.

Устав кооперативного товарищества «Издательство Писателей в Ленинграде». Л.: Издательство Писателей в Ленинграде, 1930.

Федин К. А. Собр. соч. в 12 тт. Т. 11. М.: Художественная литература, 1986.

Художник и общество (неопубликованные дневники К. Федина на 20–30-х годов) <23 января 1929 года> / Публ. Н. К. Феединой,

Н. А. Сломовой, примеч. А. Н. Старкова // Русская литература. 1992. № 4. С. 164–181.

ЦГАЛИ СПб. Ф. 414. Оп. 1.

References

A. M. Gorky's Archive. Vol. 11. Correspondence between A. M. Gorky and I. A. Gruzdev. Moscow: Nauka, 1966. (In Russ.)

Belov S. V. The Publishing House of Writers in Leningrad (1927–1934) // Book Publishing in Petersburg – Leningrad: A collection of papers. St. Petersburg: Nauka, 1981. P. 126–136. (In Russ.)

Central State Archive of Literature and Art of St. Petersburg. F. 414. Inv. 1. (In Russ.)

Fedin K. A. Collected works in 12 vols. Vol. 11. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1986. (In Russ.)

Ginzburg L. Y. Notebooks. Memoirs. Essays. St. Petersburg: Iskustvo-SPb, 2002. (In Russ.)

Gorky and Soviet Writers. Unpublished Correspondence. Moscow: AN SSSR, 1963. (Literary Heritage. Vol. 70). (In Russ.)

K. A. Fedin's Correspondence // The State K. A. Fedin Museum. Uninventorised materials. The State Museum Fond. (In Russ.)

K. A. Fedin's Diaries // The State K. A. Fedin Museum. Uninventorised materials. Scientific Auxiliary Fond 5610/2. (In Russ.)

Konovalova L. Y. Correspondence of K. A. Fedin and E. I. and L. N. Zamyatin (foreword) // Konstantin Fedin and His Contemporaries: From the Literary Legacy of the 20th Century. Book 1. Moscow: IMLI RAN, 2016. P. 71–88. (In Russ.)

Kuzmin M. Life under the Ice. (Diary of 1929) / Publ., foreword and comments by S. V. Shumikhina // *Nashe nasledie*. Manuscripts in editor's hand. URL: http://www.nasledie-rus.ru/red_port/Kuzmin.php. (In Russ.)

Lavrov N. P., Tallerchik T. M. The Publishing House of Writers in Leningrad (1928–1934) // Book. Research and Materials. Collection 36. Moscow: Kniga, 1978. P. 92–103. (In Russ.)

Lyubimov N. M. Unfading Colour: A Book of Memoirs. In 2 vols. Vol. 2. Moscow: Yazyki russkoy kultury, 2004. (In Russ.)

Naumova E. V. *The Publishing House of Writers in Leningrad* is a Forerunner of The Leningrad Editorial Offices of the *Soviet Writer* //

Three Hundred Year Anniversary of Publishing in St. Petersburg. Proceedings of the International Conference. St. Petersburg, 11–13 May, 2011. St. Petersburg: GMI SPB, 2011. P. 204–211. (In Russ.)

‘Russia brought us together’. Correspondence between K. A. Fedin and I. S. Sokolov-Mikitov. 1922–1974 / Ed. I. E. Kabanova, I. V. Tkacheva. Moscow: Nauka, 2008. (In Russ.)

Semenova T. B. On the History of the *The Publishing House of Writers in Leningrad* // Konstantin Fedin and His Contemporaries. Fedin Readings. Saratov, 2013. Issue 5. P. 150–164. (In Russ.)

Svichenskaya M. K. Private Book Publishing in Moscow and St. Petersburg: History, Current State, Prospects of Development. Prague, 2000. URL: <http://rss.archives.ceu.hu/archive/00001119/01/125.pdf>. (In Russ.)

The Artist and the Society (K. Fedin’s Unpublished Diaries of the 1920s–1930s) <23 January, 1929> / Publ. by N. K. Fedina, N. A. Slo-mova, with comments by A. N. Starkov // *Russkaya literatura*. 1992. Issue 4. P. 164–181. (In Russ.)

The Charter of the Cooperative Partnership *The Publishing House of Writers in Leningrad*. St. Petersburg: Izd. pisateley v Leningrade, 1930. (In Russ.)